

Пролог

Шестого апреля 1812 года, ровно за два дня до своего шестнадцатилетия, Пенелопа Фезерингтон влюбилась.

Это был незабываемый момент, восхитительный и волнующий. Земля содрогнулась у нее под ногами. Сердце екнуло в груди. Дыхание перехватило. Что, впрочем, не помешало ей не без удовлетворения отметить, что виновник всего этого — некий Колин Бриджертон — испытал точно такие же ощущения.

Не в смысле влюбленности. Нет, он не влюбился в нее в 1812 году (и не в 1813-м, и не в последующие годы с 1814 по 1822-й, и не в 1823 году, когда его просто не было в стране). Но земля под ним содрогнулась, сердце екнуло, и Пенелопа ни на мгновение не усомнилась, что дыхание у него перехватило. Секунд на десять, не меньше.

Еще бы! Падение с лошади и не такое способно сотворить с человеком.

А случилось вот что.

Она прогуливалась по Гайд-парку со своей матерью и двумя старшими сестрами, когда ощутила сотрясение почвы под ногами (смотри выше: земля содрогнулась!). Воспользовавшись тем, что мать, по обыкновению, не обращает на нее внимания, Пенелопа ускользнула на секунду, чтобы выяснить, в чем дело. Остальные члены ее семейства, занятые разговором с виконтессой Бриджертон и ее дочерью Дафной, которая начала свой второй сезон в Лондоне, сделали вид, что ничего не замечают. Бриджертоны занимали слишком высокое положение в обществе, чтобы семейство Фезерингтон могло пренебречь разговором со столь важными, как они, особами.

Обогнув дерево с толстым стволом, Пенелопа увидела двух всадников, мчавшихся сломя голову

в ее сторону, — или, как принято говорить, болванов в седле, которым наплевать на свою жизнь и здоровье. Сердце Пенелопы учащенно забилося (трудно сохранять безмятежность при виде столь волнующего зрелища), что потом дало ей полное право утверждать, что ее сердце екнуло...

И тут, по какому-то необъяснимому капризу судьбы, порыв ветра сорвал с ее головы шляпку (которую Пенелопа, к неудовольствию ее матери, плохо завязала под подбородком, поскольку лента натирала ей шею), поднял ее в воздух и швырнул прямо в лицо одному из всадников.

Пенелопа ахнула: мужчина вылетел из седла и весьма неэлегантно приземлился в ближайшую лужу.

Без тени раздумья Пенелопа бросилась к нему, выкрикивая что-то, что должно было выражать ее беспокойство по поводу его самочувствия, но, как она подозревала, скорее напоминало полузадушенный вопль. Можно себе представить, как он разозлился! Он не только свалился с лошади, но и вывалился в грязи — а это может привести любого мужчину в самое скверное расположение духа. Но когда бедняга наконец поднялся на ноги, отряхивая, насколько это было возможно, грязь с одежды, он не был обескуражен падением, не выказал недовольства и даже не выругался.

Он рассмеялся!

Невероятно.

Пенелопа не часто наблюдала мужской смех, а тот, что ей приходилось слышать, нельзя было назвать добрым. Но глаза этого мужчины — кстати, глаза были зеленого цвета — искрились весельем. Он стер пятно грязи со щеки и иронически произнес:

— Не слишком ловко с моей стороны, не так ли?

Он поднял и вежливо протянул ей шляпку.

И в этот момент Пенелопа влюбилась.

Обретя наконец голос, что, к сожалению, произошло на три секунды позже, чем потребовалось бы для ответа любой разумной особе, она торопливо заговорила:

— О, благодарю вас! Моя шляпка слетела и... — Пе-

4 нелопа осеклась и замолчала.

Он улыбнулся:

— Все в порядке. Я... О, добрый день, Дафна. Не знал, что ты в парке.

Круто развернувшись, Пенелопа обнаружила у себя за спиной Дафну Бриджертон и свою мать, которая тут же прошипела:

— Как ты выглядишь, Пенелопа Фезерингтон? Поправь прическу!

Судя по выражению лица матери, Пенелопа не слишком красиво выглядела перед джентльменом, который считался весьма завидным женихом.

Не то чтобы ее мать полагала, будто у Пенелопы есть шанс увлечь такого мужчину. Собственно, Пенелопа еще не выезжала в свет. Но миссис Фезерингтон не могла не питать матримониальных надежд относительно своих старших дочерей.

Впрочем, при всем желании она не стала отчитывать Пенелопу, поскольку ей пришлось бы отвлечь свое внимание от влиятельного семейства Бриджертон, включавшего, как сообразила Пенелопа, и вымазанного в грязи молодого джентльмена.

— Надеюсь, ваш сын не пострадал? — обратилась миссис Фезерингтон к леди Бриджертон.

— Ничуть, — вмешался Колин, умело пресекая поток материнского сочувствия, готовый обрушиться на его голову.

Последовали взаимные представления, но дальнейший разговор оказался краток. Колин безошибочно распознал в миссис Фезерингтон мамашу, мечтающую пристроить своих дочерей, и Пенелопа ничуть не удивилась, когда он поспешил откланяться.

Но непоправимое уже свершилось: Пенелопа обрела объект девичьих грез.

Позже вечером, когда она в сотый раз воспроизвела в уме эту встречу, ей пришло в голову, что было бы лучше, если бы она влюбилась, когда он, пригласив ее танцевать, поцеловал бы ей руку, глядя на нее своими зелеными глазами и сжимая ее пальцы чуть крепче, чем

того требовали приличия. Или когда он скакал бы галопом через луг, стремительный как ветер, с единственной целью оказаться рядом с ней, Пенелопой.

Но нет, ее угораздило влюбиться в Колина Бриджертона, когда он свалился с лошади и плюхнулся в грязь! Трудно представить себе что-либо менее романтическое, но в этом есть некая высшая справедливость, рассудила Пенелопа, поскольку это все равно ничем не завершится.

Тогда, в возрасте шестнадцати лет без двух дней, Пенелопа Фезерингтон не могла представить Колина Бриджертона в качестве будущего мужа.

Она понимала, что она не из тех девушек, кто способен увлечь мужчину, подобного Колину, и, похоже, никогда такой не станет.

Десятого апреля 1813 года — ровно через два дня после ее семнадцатого дня рождения — Пенелопа Фезерингтон дебютировала в лондонском свете. Ей этого совсем не хотелось, и она умоляла мать подождать еще хотя бы год. Мало того что Пенелопа была на десяток килограммов тяжелее, чем следовало, ее лицо имело тенденцию покрываться красными пятнами, стоило ей понервничать, — а ничто на свете не пугало ее до такой степени, как лондонские балы.

Она пыталась напомнить себе, что красота не главное, но это было слабым утешением, особенно когда она вспоминала о своей природной застенчивости. Что может быть более удручающим, чем некрасивая девица, лишенная всякой индивидуальности? В первый год ее появления на ярмарке невест эта сентенция служила точной характеристикой Пенелопы. Ну, может, не совсем точной... Скажем так, некрасивая девица с некоторым намеком на индивидуальность.

Однако в ее душе жила убежденность, что она умна и добра. Правда, этим незаурядным качествам Пенелопа не могла найти достойного применения и с недоумением обнаруживала, что либо говорит не то, что хотела, либо вообще молчит, что случалось гораздо

Положение усугублялось еще и тем, что мать не позволяла Пенелопе самой выбирать одежду. Она была или в белом, обязательном для юных дебютанток (отнюдь не красившем ее), или в желтом, красном или оранжевом, что сказывалось на ее внешности самым плачевным образом. Единственный раз, когда Пенелопа попыталась примерить зеленое, миссис Фезерингтон уперлась ладонями в свои мощные бока и заявила, что зеленый цвет навевает уныние.

— А вот желтый, — изрекла она, — цвет счастья. Счастливая девушка скорее поймает мужа.

После этого Пенелопа окончательно решила, что лучше даже не пытаться понять ход мыслей ее матери.

В результате все туалеты Пенелопы были желтыми, оранжевыми, а порой и красными, что делало ее совершенно несчастной и чудовищно смотрелось с ее карими глазами и рыжеватыми волосами. Но поскольку от нее ничего не зависело, Пенелопа решила улыбаться и терпеть: если она не сможет выдавить улыбку, то по крайней мере не станет плакать на глазах у публики.

Чего, с гордостью отмечала Пенелопа, она никогда и не делала.

И как будто этого было недостаточно, именно в 1813 году в «Светской хронике» начали печататься еженедельные обзоры, принадлежавшие перу некоей таинственной особы, именовавшей себя леди Уистлдаун. Одностраничная газетка стала сенсацией. Никто не знал, кто такая леди Уистлдаун на самом деле, но у каждого, казалось, были свои соображения на этот счет. Неделями — нет, месяцами — Лондон только об этом и говорил. Первые две недели газета доставлялась бесплатно — достаточно, чтобы заинтриговать высший свет, — после чего доставка внезапно прекратилась, зато на улицах появились мальчишки-разносчики, запрашивающие просто возмутительную цену в пять пенни за газетный листок.

Но к этому моменту никто и помыслить не мог, чтобы обойтись без ежедневной дозы последних сплетен, и все безропотно расставались со своими монетами.

В результате некая женщина (или, как полагали некоторые, мужчина) стала богатой.

От своих предшественников леди Уистлдаун отличало то, что она не скрывала имен персонажей своих заметок. В газетке не было намеков на леди Р. или миссис В. Если леди Уистлдаун писала о ком-то, она указывала его полное имя.

И когда леди Уистлдаун хотелось написать о Пенелопе Фезерингтон, она так и поступала. Первое появление Пенелопы в «Светской хронике» выглядело следующим образом:

«Из-за неудачного выбора платья мисс Пенелопа Фезерингтон выглядела как перезревший плод цитрусовых».

Довольно болезненный укол, признаться, хотя и чистая правда.

Второе появление Пенелопы в газете леди Уистлдаун выглядело не лучше:

«За весь вечер мисс Пенелопа Фезерингтон не произнесла ни слова, и неудивительно! Бедняжка просто утонула в оборках своего платья».

В общем, Пенелопа не без оснований опасалась, что подобные отзывы не прибавят ей популярности.

И все же сезон нельзя было назвать полной катастрофой. Нашлись люди, с которыми она подружилась. Леди Бриджертон, как ни странно, прониклась к ней симпатией, и Пенелопа обнаружила, что может говорить с обаятельной виконтессой на темы, которые она никогда не стала бы обсуждать со своей матерью. Именно виконтесса познакомила ее с Элоизой Бриджертон, младшей сестрой красавца Колина. Элоизе тоже только что исполнилось семнадцать, но у ее матери хватило мудрости отложить ее дебют в свете на год, хотя Элоиза в избытке обладала привлекательностью и обаянием Бриджертонов.

Проводя первую половину дня в кремово-зеленой гостиной Бриджертон-Хауса (а чаще в спальне Элоизы, где они могли сколько угодно смеяться и обсуждать все на свете), Пенелопа время от времени сталкивалась с Колином, который — в свои двадцать два года — еще не сменил

Хотя Пенелопа и раньше полагала, что влюблена в Колина, ее детская влюбленность не шла ни в какое сравнение с тем, что она почувствовала, узнав его лучше. Колин Бриджертон оказался чертовски остроумным, веселым и бесшабашным, что делало его неотразимым в глазах женщин, но главное...

Колин Бриджертон был милым.

Какое глупое словечко! Однако при всей своей банальности оно идеально подходило к Колину. У него всегда находилось несколько добрых слов для Пенелопы, а когда она наконец набралась смелости сказать что-нибудь в ответ, помимо обычных приветствий и прощаний, Колин выслушал ее с явным интересом, что весьма облегчило их последующее общение.

К концу сезона Пенелопа пришла к выводу, что Колин Бриджертон единственный мужчина, с которым она способна поддерживать разговор.

О, это была любовь. Любовь, любовь, любовь! Пенелопа исписывала целые страницы, чередуя это волшебное слово с именем Колина и такими волнующими словосочетаниями, как «Миссис Колин Бриджертон» или «Пенелопа Бриджертон». Разумеется, все это летело в камин, стоило ей слышать шаги в коридоре.

Как чудесно любить — пусть даже без надежды на взаимность — такого милого человека! Помимо прочего, это давало Пенелопе ощущение собственного благополучия.

Разумеется, этому ничуть не мешал тот факт, что Колин, как и все мужчины из рода Бриджертонов, был исключительно хорош собой. Унаследовав от предков знаменитые каштановые волосы, выразительный улыбочивый рот, широкие плечи и шесть футов роста, он обладал самыми потрясающими зелеными глазами, когда-либо украшавшими мужское лицо.

Такие глаза являются юным девушкам в мечтах.

И Пенелопа не могла не мечтать.

Апрель 1814 года застал Пенелопу в Лондоне, где она проводила свой второй сезон, и, хотя она привлекала не больше поклонников, что и годом раньше

(то есть ни одного!), честно говоря, этот сезон был не так уж плох. Пенелопа потеряла почти десять килограммов лишнего веса и могла теперь называть себя «приятно округлой», а не «чудовищно толстой». Конечно, ее фигуре еще недоставало стройности, соответствовавшей модному идеалу, но по крайней мере она изменилась достаточно, чтобы полностью обновить свой гардероб.

К сожалению, ее мать опять настояла на желтом и оранжевом с вкраплениями красного. На этот раз леди Уистлдаун написала:

«Мисс Пенелопа Фезерингтон (наименее пустоголовая из сестер Фезерингтон) была в лимонно-желтом платье, оставлявшем во рту кислый привкус».

Вряд ли подобную оценку можно было счесть лестной, но по крайней мере из нее следовало, что Пенелопа — самая умная в своем семействе.

Впрочем, Пенелопа была не единственной, кому досталось от язвительной журналистки. Кейт Шеффилд, появившаяся в желтом платье, удостоилась сравнения с нарциссом, и это притом, что Кейт собиралась выйти замуж за Энтони Бриджертона, старшего брата Колина и будущего виконта!

Так что Пенелопа не теряла надежды.

Разумеется, она знала, что Колин не женится на ней. Но по крайней мере он танцевал с ней на каждом балу, заставлял ее смеяться, да и сам смеялся ее шуткам, и этого было достаточно.

Жизнь между тем продолжалась. Лондонские сезоны проходили один за другим. Старшие сестры Пенелопы — Пруденс и Филиппа — нашли наконец мужей и покинули отчий дом. Миссис Фезерингтон не оставляла надежды, что и Пенелопа сделает приличную партию, поскольку Пруденс и Филиппе понадобилось для этого пять сезонов, но Пенелопа знала, что ей суждено остаться старой девой.

Несправедливо выйти замуж за другого мужчину, если она по-прежнему отчаянно влюблена в Коли-

на. А может, в уголке ее сознания — в самом дальнем уголке, запрятанном за спряжениями французских глаголов, которыми она так и не овладела, и математикой, которая ей так и не понадобилась, — все еще теплился крохотный огонек надежды.

До того дня.

Даже потом, годы спустя, Пенелопа называла это событие «тем днем».

Она явилась к Бриджертонам, как это часто бывало, чтобы выпить чаю с Элоизой, ее матерью и сестрами.

После чаепития Пенелопа отправилась домой. Постукивая каблучками по мраморным плитам пола, она миновала парадный холл и вышла на улицу. Помедлила, поправляя накидку, и направилась пешком к своему дому, находившемуся недалеко. И тут увидела братьев Бриджертон, очевидно, возвращавшихся с прогулки.

Три старших брата — Энтони, Бенедикт и Колин — вели обычный разговор, добродушно подшучивая друг над другом. Пенелопе всегда нравилось наблюдать, как Бриджертоны общаются между собой. В этом было что-то удивительно семейное.

Она вдруг услышала — в подтверждение ее способности появляться в самый неподходящий момент — слова Колина:

— ...и уж точно я не собираюсь жениться на Пенелопе Фезерингтон!

— О! — сорвалось с ее губ, прежде чем она успела спохватиться.

Все три Бриджертона повернулись к ней с одинаковым выражением ужаса на лицах, и казалось, прошла целая вечность, прежде чем Пенелопа взглянула Колина прямо в глаза и с достоинством, которого она в себе не подозревала, произнесла:

— Я никогда не напрашивалась вам в жены.

Колин побагровел. Он открыл рот, но не произнес ни звука. Это был, как с мрачным удовлетворением отметила Пенелопа, возможно, единственный пока случай в его жизни, когда он не нашел слов.

— И никогда... — она судорожно сглотнула, — никогда не говорила, что хочу этого.

— Пенелопа, — выдавил наконец Колин, — извините.

— Вам не за что извиняться.

— Нет, — настаивал он, — есть за что. Я задел ваши чувства и...

— Вы же не знали, что я здесь...

— Тем не менее...

— А то, что вы не собираетесь жениться на мне... — глухо произнесла она, не узнавая собственного голоса, — в этом нет ничего особенного. Я ведь не собираюсь выходить замуж за вашего брата Бенедикта.

Бенедикт, старательно избегавший ее взгляда, изумленно воззрился на нее.

Пенелопа стиснула кулаки.

— Однако не думаю, что я задела его чувства, объявив об этом. — Она повернулась к Бенедикту: — Ведь так, мистер Бриджертон?

— Конечно, — быстро отозвался тот.

— Что и требовалось доказать, — произнесла она натянутым тоном, поражаясь той легкости, с какой находит нужные слова. — Значит, ничьи чувства не задеты. А теперь, если вы извините меня, джентльмены, я пойду домой.

Все трое поспешно посторонились, пропуская ее, и Пенелопа могла бы гордо удалиться, если бы Колин вдруг не поинтересовался:

— Разве у вас нет горничной?

Пенелопа покачала головой:

— Я живу недалеко, за углом.

— Знаю, но...

— Я провожу вас, — галантно предложил Энтони.

— В этом нет никакой необходимости, милорд.

— Доставьте мне удовольствие, — возразил он не терпящим возражений тоном, и Пенелопа поняла, что у нее нет выбора.

Она кивнула, и они двинулись по улице.

— Он не знал, что вы рядом, — заметил Энтони,

12 когда они завернули за угол.

— Понимаю, — отозвалась Пенелопа со смиренным вздохом. — Колин не из тех, кто способен на сознательную жестокость. Видимо, ваша матушка слишком настаивает на его женитьбе.

Энтони кивнул. Желание леди Бриджертон видеть каждого из своих сыновей счастливым женатым было известно всем.

— Она симпатизирует мне, — сказала Пенелопа. — И боюсь, не видит никого вокруг. Но в сущности, не так уж важно, как ваша матушка будет относиться к избраннице Колина.

— Ну, я бы этого не сказал, — возразил Энтони тоном скорее почтительного сына, чем виконта, которого все уважали и даже побаивались. — Лично я не хотел бы быть женатым на женщине, которая не нравится моей матери. — Он покачал головой с выражением благоговейного ужаса. — У нее слишком сильный характер.

— У вашей матушки или жены?

Энтони на секунду задумался.

— У обеих.

Они прошли несколько шагов в молчании, нарушенном Пенелопой:

— Колину нужно уехать.

Энтони бросил на нее любопытнейший взгляд.

— Простите?

— Ему нужно уехать. Отправиться путешествовать. Он не готов к браку, а ваша матушка не может удержаться от того, чтобы не давить на него. Она хочет как лучше... — Пенелопа в ужасе прикусила губу, надеясь, что виконт не подумает, будто она критикует леди Бриджертон. Тем более что, с точки зрения Пенелопы, она была достойнейшей дамой.

— Моя мать всегда хочет как лучше. — Энтони снисходительно улыбнулся. — Но может, вы правы. Возможно, ему действительно следует уехать. Колин любит путешествовать. Хотя он только что вернулся из Уэльса.

— Вот как? — вежливо отозвалась Пенелопа, хотя прекрасно знала, что Колин был в Уэльсе.

— Кажется, мы пришли, — сказал Энтони, кивнув вместо ответа. — Ведь это ваш дом, не так ли?

— Да. Спасибо, что проводили.

— Всегда к вашим услугам.

Пенелопа проводила его взглядом, затем вошла внутрь и расплакалась.

На следующий день в «Светской хронике» появилась заметка, принадлежавшая перу леди Уистлдаун:

«Что за волнующая сценка разыгралась вчера возле резиденции леди Бриджертон на Брутон-стрит!

Во-первых, Пенелопу Фезерингтон видели в обществе не одного, не двух, а сразу трех братьев Бриджертон — невероятная удача для бедной девушки, не пользующейся особым успехом в свете. Печально, но вполне предсказуемо, что мисс Фезерингтон отбыла, опираясь на руку виконта, единственного женатого мужчины во всей компании.

Если мисс Фезерингтон все же удастся довести до алтаря одного из братьев Бриджертон, это наверняка будет означать конец того мира, в котором мы живем, и автору этих строк придется немедленно оставить свое ремесло или расписаться в своем полнейшем невежестве».

Похоже, даже леди Уистлдаун осознавала всю тщетность надежд Пенелопы, связанных с Колином.

Годы шли, и как-то незаметно Пенелопа перестала быть дебютанткой. В один прекрасный день она обнаружила, что сидит среди компаньенок, наблюдая за своей младшей сестрой Фелисити — единственной из своих сестер, одаренной от природы красотой и обаянием, — наслаждающейся первым лондонским сезоном.

Колин пристрастился к путешествиям и проводил все больше времени вне Лондона. Не проходило и пары месяцев, чтобы он не отбыл в том или ином направлении. По

приезде в Лондон, что случалось не часто, он всегда находил для Пенелопы доброе слово и улыбку,

приглашал на танец, а она притворялась, будто ничего не случилось, будто он никогда не произносил слов, разбивших вдребезги ее мечты.

Между ними установились если не дружеские, то непри-
нужденные отношения. Да и на что еще могла рассчитывать
двадцативосьмилетняя старая дева?

Безответная любовь — нелегкое бремя, но Пенелопа
Фезерингтон привыкла к нему.